

«Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына и «Колымские рассказы» В. Шаламова - сравнительный анализ

Mihaljević, Ksenija

Undergraduate thesis / Završni rad

2021

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:349612>

Rights / Prava: [In copyright](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2021-12-03**

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i
Književnosti
Katedra za rusku književnost

Završni rad

**«Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына и «Колымские рассказы» В.
Шаламова – сравнительный анализ**

student: Ksenija Mihaljević
mentor: dr. sc. Danijela Lugarić Vukas, izv. prof.
ak. god.: 2020./2021.

U Zagrebu, 14. srpnja 2021.

Содержание:

1. ВВЕДЕНИЕ	1
2. ЛАГЕРНАЯ ПРОЗА	2
3. АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ СОЛЖЕНИЦЫН	4
3.1. Биография.....	4
3.2. «Один день Ивана Денисовича»	6
4.1. Биография.....	10
4.2. «Колымские рассказы»	12
5. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	15
6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	19
7. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	21

1. ВВЕДЕНИЕ

Лагерная проза является особым типом тематического направления не только в русской, но и в мировой литературе. Популярность русской лагерной прозы обусловлена специфическими социально-историческими обстоятельствами. Она свидетельствует не только о жизни в лагерях, но и о жизни в ту эпоху. Русских ссылали в лагерь из-за мелочей, и почти каждый русский либо жил лагерной жизнью сам, либо знает кого-то, кто жил. Следовательно, многие учёные исследовали именно это тематическое направление, в том числе их интересовали общие характеристики разных произведений и особенно вопрос вписывания личного лагерного опыта писателей, т.е. документальность лагерной прозы.

Несомненно, Александр Исаевич Солженицын и Варлам Тихонович Шаламов являются самыми известными русскими писателями лагерной прозы. Не раз поднимался вопрос о линиях напряжений этих писателей. Многие учёные заявляют, что лагерная проза начинается с Солженицыным, в то время как другие выдвигают на первый план важность «новой прозы» Шаламова. Целью данного исследования является сопоставление двух центральных произведения «лагерной прозы», повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и сборника рассказов Шаламова «Колымские рассказы».

2. ЛАГЕРНАЯ ПРОЗА

Тематическое направление, получившее название «лагерная проза», возникает в России конце 50-х годов и длится до 90-х годов XX века. Как подчёркивает Л. С. Старикова: «лагерная проза – тематическое направление (...) создающее художественный образ лагеря в творческой рефлексии писателей (очевидцев, наблюдателей со стороны, тех, кто не видел вообще или изучал по архивам, воспоминаниям), обладающее следующими чертами: общие тематика и проблематика, связанные с экзистенциальной средой лагеря; автобиографический характер; документальность; историзм; художественное воплощение образа лагеря; особое пространство (замкнутость, остров, ад); особая психология человека, философское осмысление человека в ситуации несвободы; особая авторская рефлексия над текстом» (Старикова 2015: 169). Лагерь представляет собой особое, замкнутое пространство, в котором люди живут как животные (особая психология человека), но лагерная проза служит и как модель общечеловеческой жизни (всечеловеческая тема). Важной составляющей «лагерной прозы» является категория памяти поскольку лагерную прозу создавали писатели, для которых лагерь – важнейшая часть личного опыта. Согласно Стариковой, например, память о пережитом является необходимым для создания произведения на лагерную тему (там же). В том числе можно предположить, что автобиографизм – также одна из центральных характеристик «лагерной прозы», поэтому не удивляет, что разные исследователи, в том числе Кошмитерева, подчёркивали, что то, что написано о лагерях и тюрьмах является своего рода историческим документом, свидетельствующим о природе общества и человека (Кошмитерева 2016: 41).

Хотя практически все учёные соглашаются в том, какими признаками лагерная проза обладает, у них различные мнения о том, кто является основоположником лагерной тематики. Кошмитерева и, как подчёркивает Старикова, Ю. Б. Малова считают, что лагерная проза является продолжением традиции «каторжной прозы». Таким образом, основоположниками можно считать Ф. М. Достоевского («Записки из Мертвого дома») и А. П. Чехова («Остров Сахалин»): «[п]роизведения о лагерях XX в. перекликаются с XIX-м в изображении каторги (лагеря, ссылки, тюрьмы) как 'Мертвого дома', земного ада. Эхом отзывается мысль о мироподобии лагеря (каторги, ссылки), слепка 'вольной' жизни России» (Старикова 2015: 170). Далее, Малова в эссе «О прозе» Шаламова видит начало самого названия «лагерная проза», так как Шаламов в вышеупомянутом эссе

употребил словосочетание «лагерная тема», после чего это тематическое направление приобрело своё название (там же: 170). Другие учёные, как например О. Б. Васильева, считают, что лагерная проза в России возникает с произведением Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Эту традицию, согласно Васильевой, продолжает Шаламов, но намеренно отталкиваясь от Солженицына: «В. Шаламов берет крайние, запредельные ситуации, а Солженицын – 'средне-статистический' лагерь политзаключенных» (там же). О различиях в поэтике изображения лагеря в творчестве двух писателей писал также учёный И. В. Некрасова, подчёркивая «реально-историческое направление» Солженицына и «экзистенциальное направление» Шаламова (там же). Разницы в творческом изображении лагеря в выбранных произведениях двух писателей («Один день Ивана Денисовича» и «Колымские рассказы») являются центральной темой данной окончательной работы.

3. АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ СОЛЖЕНИЦЫН

3.1. Биография

Александр Исаевич Солженицын родился в 1918 году в Кисловодске, а умер в 2008 году в Москве. Он поступил на физико-математический факультет Ростовского университета, но одновременно учился и на МИФЛИ. Солженицын получил два ордена – Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды. Однако, Солженицын был приговорен к восьми годам тюрем и лагерей. Его переписка с другом, в которой он Ленина назвал кличкой «Вовка», а Сталина «Пахан», стала причиной его осуждения на 8 лет в Исправительно-трудовом лагере (Дзевенис 2018: 200). Лейдерман и Липовецкий выделают, что: «[к]ак писатель Солженицын начинался в ГУЛАГе. Свои стихи и даже прозу он, не записывая, хранил в самом надежном месте, в собственном мозгу – заучивал наизусть» (Лейдерман, Липовецкий 2003: 260).

После смерти Сталина он вышел из лагеря, но снова заболел. Думал, что скорее умрёт. Внезапное вылечивание он воспринимал как чудо и именно поэтому решил всему миру рассказать о лагерях и о сильной репрессии русской власти. С этого момента началась его «открытая и беспощадная война против Советской власти» (Дзевенис 2018: 200). Всё, что Солженицын написал было охвачено отвращением к власти и идеологии. Его снова арестовали, лишили его гражданства и выгнали из государства. Некоторое время он пробыл в Германии, а потом в США и наконец вернулся в Россию в 1990 году. Здесь следует отметить, что Солженицын никогда не упал духом и что он и после возвращения в Россию продолжил говорить о несправедливости русской власти, о негуманных условиях. Он даже отказался от одной из самых престижных наград – ордена Святого апостола Андрея Первозванного, «протестуя против нетерпимой ситуации в стране» (там же: 2002).

Творчество Солженицына проникнуто мотивами трагической судьбы героев, условий тоталитаризма, нравственных и христианских идеалов, сохранения человеческой души в нетерпимых условиях и т. д. Во время учёбы он написал свои первые произведения – «Ласточка», «Девятнадцать», «Эварист Галуа». После лагерной жизни Солженицын написал несколько стихотворений, пьесу «Республика труда» и роман «В круге первом», произведения, тематически связанные с лагерным опытом. Такая же тема является основой и произведения «Архипелаг ГУЛАГ», которое основывается на письмах 227

заключённых. Тем не менее, надо подчеркнуть, что он «стал известен всему читающему Советскому Союзу в 1962 году, с выходом ноябрьской книжки «Нового мира», в которой был напечатан «Один день Ивана Денисовича» (Лейдерман, Липовецкий 2003: 260). Кроме произведения «Один день Ивана Денисовича», его важным произведением в ранней фазе его творчества является и «Матренин двор». Оба произведения написаны в 1959 году, но опубликованы они позже, когда «монументальный рассказ» уже укрепился как жанр и когда у Солженицына уже свои художественные принципы – гносеологоцентризм и реализмоцентризм. Здесь следует отметить, что Лейдерман и Липовецкий сравнивают Солженицына с Шолоховым, не в «авторском поведении», ни в «общественной позиции», а именно с точки зрения уже раньше упомянутого жанра «монументального рассказа», в котором на первый план выдвигается «тот же эстетический объект: 'простой человек', который представлен обоим авторами как хранитель общечеловеческих духовных святынь» (там же: 263).

3.2. «Один день Ивана Денисовича»

«Один день Ивана Денисовича» – повесть А.И. Солженицына, которая появилась в 11 номере журнала «Новый мир» в 1962ом году и сразу же сделала автора известным. Читателей привлекли и увлекали не только тематическое содержание, но и лексика. Солженицын мастерски сливает два отдельных элемента – повседневный язык и лагерный сленг. В произведении находится множество слов, которые используются только в лагерном мире и это ещё более усиливает чувство замкнутости лагеря. Идея о написании произведения возникла во время его лагерного заключения, зимой 1950 года, что Солженицын подтвердил в своём интервью для ВВС: «Я в какой-то долгий лагерный зимний день таскал носилки с напарником и подумал: как описать всю нашу лагерную жизнь? По сути, достаточно описать один всего день в подробностях, в мельчайших подробностях, притом день самого простого работяги. И даже не надо нагнетать каких-то ужасов, не надо, чтоб это был какой-то особенный день, а – рядовой, вот тот самый день, из которого складываются годы. Задумал я так, и этот замысел остался у меня в уме, девять лет я к нему не прикасался и только через девять лет сел и написал» (ВВС News 2012).

В произведении читатель следит за одним днём в лагерной жизни, от подъёма до отбоя. Очень важную роль играют детали, в том числе и самое название произведения. В названии использовано имя и отчество Иван Денисович, пока в произведении в большей мере упоминается только фамилия Шухов. Следовательно, можем подвести итоги, что Солженицын этим хотел подчеркнуть незначимость человека в лагере, иначе говоря, деперсонализацию людей. Первоначальное название произведения «Щ-854. Один день одного зэка» ещё более усиливает это чувство деперсонализации в лагере, потому что номера служат как средство инвентаризации человека. Тем не менее, надо упомянуть, что такой деперсонализацией подчёркивается изменение человека в такой среде – как будто существуют два Ивана, один перед лагерной жизни и один который обжился в лагерном мире. Действительно можно сказать, что это произведение о приспособлении, которое является нужным для существования своего рода антимира лагеря. Повесть начинается с того, что Иван просыпается и чувствует себя плохо, но надеется, что он не болен и старается выздороветь, потому что, как подчёркивает Быков, «разболеться в лагере — худшее, прямой путь к смерти» (Быков 2015а).

Главный герой этого произведения, Иван Денисович (Шухов), заключенный в исправительно-трудовом лагере, подвергающийся жестоким испытаниям не только физическим, но и моральным. Его распорядок дня, как и других заключенных, состоит из множества кропотливых и жестоко изматывающих инцидентов, таких как подъём в 5 часов утра с наказанием в виде трех дней одиночного заключения, если кто-то опаздывает с постели, кишасей насекомыми. Также, на завтрак можно было есть кашу с рыбьими скелетами и тухлыми капустными листьями. Затем, идя на работу, если сильный холод не замораживал их, то охранники, которые ждали, что кто-то выйдет из строя, постоянно удерживали пленников от их невыносимого положения и реальности столкновения со смертью в любой момент. Шухов относительно прост, но не наивен, поскольку понимает, что советское право, а также система несут ответственность не только за его затруднительное положение, но и за тяжелое положение других заключенных.

Учёный Юровский делает акцент на «основные достоинства Солженицына», которые наглядно видны уже в первом его рассказу: «суровая, ни перед чем не останавливающаяся правда; по-толстовски глубокое проникновение в сущность вещей и характеров; вера в человека, убежденность в том, что в самых тяжелых условиях человек спасается своим человеческим достоинством» (Юровский 2008: 345). Несмотря на все нечеловеческие условия, Иван Денисович сохраняет своё достоинство. Это подтверждается не раз: «[п]отом Шухов снял шапку с бритой головы – как ни холодно, но не мог он себя доступить есть в шапке...» (Солженицын 1999: 15). Несмотря на мороз и факт, что он был болен, он опять же снял шапку. Это привычка, которую он сохранил из жизни перед лагерем. Сохранение его достоинства подчёркивается и фактом, что он никогда не жаловался на условия в лагере, в том числе ни на своё здоровье: «Шухов сел на скамейку у стены, на самый краешек, только-только чтоб не перекувырнуться вместе с ней. Неудобное место такое он избрал даже не нарочно, а показывая невольно, что санчасть ему чужая и что пришёл он в неё за малым» (там же: 19).

«Один день Ивана Денисовича» является повестью не только о лагере и лагерной жизни, но и о человеческом старании выжить в таких негуманных условиях, а главный герой, Иван Денисович, воплощает национальный русский характер. Произведение сыграло очень важную роль в русской литературе, потому что повлияло на осмысление феномена простого советского человека, участника в исторических событиях, его место и роль в обществе. Отдельное внимание к этому вопросу уделяет Быков, согласно которому

ключевым в рассмотрении произведения «Один день Ивана Денисовича» не является открытие лагерной темы, а постановление вопроса о русском народе (Быков 2015а). Солженицын в своем произведении не только описал жизнь зеков, но и вообще жизнь при Сталине, о чем уже в 1964 писал известный ученый Дж. Лукач: «[с]мысл художественного открытия, сделанного Солженицыным, заключается в том, что единственный, лишенный особых событий день одного произвольно взятого лагеря он возвел в символ еще не преодоленного, еще не отраженного писателями прошлого» (Лукач 1964).

Лагерный мир – это мир ада, который является центральной, хотя и скрытой, метафорой советского режима Солженицына. Это мир, основанный на лжи, владения дьявола. Этот мир охватывает все смертные грехи. Убийство, гнев, воровство, гордость, жадность и проступки – это грехи тех, кто наделен властью, когда они убивают, мучают, унижают, грабят и обманывают зеков. Они представляют собой советское государство, настоящую «Империю Зла». Само собой разумеется, что для заключенных лагерь – это антимир, реальный мир вывернут наизнанку, чтобы стать адом. Отсюда ироничное замечание о неправильном градуснике: «Да он неправильный, всегда брешет, – сказал кто-то. – Разве правильный в зоне повесят?» (Солженицын 1999: 12). Примером масштабов беззакония, терроризирующего заключенных, был их огромный страх перед настроением и властью советского режима. Этот страх был выражен Солженицыным довольно эффектным саркастическим и ироническим методом. При обсуждении того, какое время суток, Шухов и капитан спорили – Шухов полагал, что было двенадцать часов дня, в то время как Капитан знал, что был час дня: «Слышали от кого-то, будто двенадцать часов уже. – Не иначе как двенадцать, – объявил и Шухов. – Солнышко на перевале уже. – Если на перевале, – отозвался кавторанг, – так значит не двенадцать, а час. – Это почему ж? – поразился Шухов. – Всем дедам известно: всего выше солнце в обед стоит» (там же: 48).

Это лишь одно из свидетельств силы и духовного удержания советского режима не только над заключенными, попавшими в его тиски, но и над людьми за его пределами. Ирония используется не только с целью выразить страх заключенных, но и с целью показать жесткость лагерной жизни. Шухов рисковал быть наказанным, чтобы обеспечить себя хлебом, потому что мог обменять ножовку и получить больше хлеба. Хотя его нерешительность относительно того, где спрятать ножовку на первый взгляд

кажется юмористичной, за пределами этого юмора находится глубокое значение – каждый кусок хлеба, камня, металла, который можно превратить в оружие, может помочь заключённому выжить. Эта горькая правда о печальных условиях в лагерях не вызывает юмора у заключённых. Без этих, на наш взгляд, мелочей большинство заключённых не смогло бы выжить. В дополнение к невыносимому голоду, который одновременно и уничтожал их и заставлял их бороться за жизнь, заключённые знали, что их будут избивать, если они не будут продуктивными, потому что основой лагерной философии было: «[б]итой собаке только плеть покажи» (там же: 45). Страх быть избитым подрывает психологический настрой заключённого и, таким образом, подрывает его веру в систему и, самое главное, его веру в себя. Солженицын иронией показал и что в лагерном мире существует иерархия, даже среди самых заключённых. Ирония заключается в том, что несмотря на цели охранников по поддержанию равенства в лагере, некоторым заключённым с точки зрения положения лучше, чем другим. Цезарь, например, отличается от других заключённых, так как у него одежда почти новая. Далее, он не вкальвает в лагере как другие заключённые, ему даже другие приносят еду: «Цезарь богатый, два раза в месяц посылки, всем сунул, кому надо, – и придурком работает в конторе, помощником нормировщика (...) Шухов помнил, что одну миску надо Цезарю нести в контору (Цезарь сам никогда не унижался ходить в столовую ни здесь, ни в лагере)» (там же: 57). Солженицын, как уже было указано выше, продемонстрировал не только жизнь в лагере, но и вообще жизнь при Сталине. Поэтому он обнаружил и иерархию, и коррупцию за пределами лагеря, которая хорошо иллюстрируется размышлениями Шухова о колхозе, с которого он пришёл.

Мало того, что вся жизнь Ивана изменилась из-за заключения в лагерь, так ещё он понимает, что страна, которую он знает, очень сильно изменилась, и нет никакой надежды на то, что он когда-нибудь вернется в старый мир, в котором когда-то жил.

Наконец, следует обратить особое внимание на позицию рассказчика поскольку его позиция близка позиции героя. Рассказчик является представителем этой среды, всё в рассказе выделяется только его глазами и оценивается его словами: «Один день — антропологический этюд, 'выжимка' из жизни зэка. Каждое чувство, взгляд, оценка, опасение передано здесь через Ивана. И звездное небо, непрерывно ослепляемое мощными прожекторами, — это небо зэка» (Нива 1984: 84).

4. ВАРЛАМ ТИХОНОВИЧ ШАЛАМОВ

4.1. Биография

Варлам Тихонович Шаламов родился 18 июня 1907 в Вологде, а умер в 1982 году в Москве. Он посещал гимназию имени Александра Благословенного г. Вологды, а потом в 1926 году поступил на Московский текстильный институт и на факультет советского права Московского государственного университета. Год спустя он участвовал в «демонстрации оппозиции к 10-летию Октября, проходившей под лозунгами 'Долой Сталина!' и 'Выполним завещание Ленина!'» (Сиротинская, эл. публ.). В 1929 году, после публикации листовок под названием «Завещание Ленина», он был приурочен к 3 годам в исправительно-трудовом лагере, где познакомился со своей первой женой – Галиной Игнатьевной Гудзь. Три года спустя его освободили из лагеря, возвратился в Москву и начал работать в научных журналах «За ударничество» и «За овладение техникой».

В 1936 Шаламов опубликовал свою первую новеллу, «Три смерти доктора Аустино». Год спустя его опять же арестовали за «контрреволюционную троцкистскую деятельность» и ему было приурочено 5 года в лагере (там же). Ещё несколько раз его арестовали и прочитали приказ – в 1938 году по лагерному «делу юристов», а в 1943 году за «похвалу в адрес великого русского писателя И. А. Бунина» (там же). В том же году его осудили на 10 лет в лагере. В лагере тяжело заболел и находился в предсмертном состоянии, едва остался живым. В 1945 году, из-за негуманных условий и невозможности выдержки таких условий, Шаламов решил побежать. Его снова арестовали, снова попал в больницу и снова выздоровел. С помощью врача, который работал в больнице, Шаламов начал посещать курсы фельдшеров и наконец работать фельдшером. В 1951 он отслужил свой срок до конца, продолжил работать фельдшером, но и писать стихи (там же).

В течение двадцати лет Шаламов создал много того, и книги стихов «Огниво» и «Шелест листьев», и автобиографическую повесть «Четвертая Вологда», и пьесу «Анна Ивановна». Однако, согласно Лейдерману и Липовецкому, «главное место в шаламовских публикациях заняли рассказы о Колыме» (Лейдерман, Липовецкий 2003: 316). Учёные продолжают говорить о важности этих рассказов, выдвигая на первый план факт, что «[у] Шаламова Колыма – это бесспорная и окончательная мера всего и вся.

Даже когда он не пишет о Колыме, он все равно пишет Колымой. Все, буквально все – общественные нормы, философские доктрины, художественные традиции – он пропускает через призму Колымы» (там же).

4.2. «Колымские рассказы»

«Колымские рассказы» являются самым известным произведением Шаламова, которым он начинает так называемую «новую прозу». «Колымские рассказы» Шаламов начал писать сразу после выпуска из лагеря. Работа над этим шедевром продолжалась несколько десятилетий, но только один из рассказов был напечатан при его жизни – рассказ «Стланик». Тем не менее, они публиковались за границей и, как подчёркивает Елена Михайлик, они стали «одной из главных книг советского самиздата, непременным вещественным доказательством на процессах диссидентов и дошли до российского читателя только после перестройки» (Михайлик 2018: 6).

Здесь хотелось бы отметить, что «Колымские рассказы» состоят из шести циклов рассказов, которые мы должны читать как одно целое. Сам Шаламов подчёркивал сущность нераздельного целого: «Композиционная цельность – немалое качество 'Колымских рассказов'. В этом сборнике можно заменить и переставить лишь некоторые рассказы, а главные, опорные, должны стоять на своих местах. Все, кто читал 'Колымские рассказы' как целую книгу, а не отдельными рассказами, – отметили большое, сильнейшее впечатление. Это говорят все читатели. Объясняется это неслучайностью отбора, тщательным вниманием к композиции» (Шаламов 1965). Рассказы не связаны ни сюжетами, ни хронологией. Циклов соединяют сквозной мотив – Колыма и, конечно, сквозные персонажи. Учёный Михайлик выдвигает на первый план факт, что «каждый из рассказов цикла не только воссоздает цельный образ лагерной вселенной, но и – при внешнем сходстве и перекличке – неочевидно полемичен по отношению к другим рассказам» (там же: 21).

Первый рассказ в «Колымских рассказах» – «По снегу». Уже с этого первого рассказа мы замечаем новизну Шаламова в обработке лагерной темы. Можно сказать, что этот рассказ больше похож на стихотворение, чем на рассказ. Нет никаких указаний на то, что люди в этом рассказе являются заключенными, нет ни охраны, ни бараков, только климат и работа указывают на жанр лагерной прозы. Шаламов достаточно удаляется от классического подхода к этому жанру, и как подчёркивает С. Йоунг, «тропов и топосов, обычно связанных с этим жанром» (Young 2011: 358). Учёный Быков выделяет три «совершенно чётких» этапов написания «Колымских рассказов». Первый этап – рассказы являются ещё прозой, существуют какие-то литературные отсылки. Второй этап отличается сверхлитературностью: «[д]окументальная проза, предельно голая,

прикасающаяся к самому страшному». Третий этап является самым интересным, поскольку одновременно является самым необычным. Это этап распада сознания самого Шаламова, который влияет и на его рассказы: «[п]остоянная такая мания повторов, несколько таких эпилептоидных, я бы сказал, постоянно он повторяет одни и те же мысли, фразы, рассказы полны повторяющихся деталей» (Быков 2015б).

Рассказы Шаламова сосредоточены в первую очередь на описание ужаса и деградации повседневного существования в лагерях. Для него лагерь является местом, в котором не существует никаких положительных аспектов, другими словами, лагерь и Колыма являются настоящим адом. В таком аде описаны люди «без биографии, без прошлого и будущего» (Шаламов 1965). Иначе говоря, это люди, оказывающиеся на уровне животных: «[с]ущественно для 'Колымских рассказов' и то, что в них показаны новые психологические закономерности, новое в поведении человека, низведенного до уровня животного, – впрочем, животных делают из лучшего материала, и ни одно животное не переносит тех мук, какие перенес человек. Новое в поведении человека, новое – несмотря на огромную литературу о тюрьмах и заключении» (там же). Более того, для Шаламова лагерь является вневременным явлением, так как «внутри лагеря человек не способен соотноситься со временем (...) и никакие выдающиеся качества, никакой героизм, никакие сколь угодно эффективные внутренние конструкты – религия, культура, идеология, профессионализм, личный выбор – не могут служить защитой, поскольку обвал происходит ниже – на уровне физического носителя» (Михайлик 2018: 11).

Тем не менее, следует отметить, что «Колымские рассказы» отличаются «двойной документальностью», а это постигается телом и мышлением, а также и речью, и категорией состояния: «[в] 'Колымских рассказах' Варлама Шаламова используется характерный для первого вида текстов мотив преобладания физиологии над интеллектом и духом. Психика полностью зависит от состояния тела» (Юргенсон 2005). Тело является памятником и единственным верным свидетелем лагерной жизни поскольку тело является миметическим следом травмы: «[н]о, будучи материалом нестойким и подлежащим уничтожению, тело свидетельствует не только о лагерном опыте, но и о его утрате, о невозможности полностью передать его живым людям» (там же). Тело в его производстве отличается разложением, физиологическим распадом и механизацией. Разложение и физиологический распад действуют друг на друга и имеют одинаковый результат – человек становится предметом. Становление человека предметом является неизбежным процессом, после которого наступает физическая смерть. Лагерная

жизнь меняет человека и «типизирует личный состав», его качества ухудшаются, а память исчезает: «[п]од давлением лагеря личные качества убывают, стремятся к нулю. Сокращается словарь, стирается память. (...) Люди более не способны управлять ни своими чувствами, ни формами их проявления» (Михайлик 2008: 77-79). Это усиливает Шаламов, перемешивая имена и биографии героев, изменяя обстоятельства, рассказывая одну и ту же историю несколько раз, путая падежи, игнорируя правила грамматики (сам язык является свидетелем). Он даже не хотел исправить очевидные ошибки, говоря: «[в]се повторения, все обмолвки, в которых меня упрекали читатели, – сделаны мной не случайно, не по небрежности, не по торопливости... (...) Сама подлинность, первичность требуют такого рода ошибок» (Шаламов 1965).

Н. Е. Таркана, по словам Стариковы, считает, что «[д]окументальность, сопряженная с психологизмом, – одна из примечательных характеристик шаламовских рассказов, которые он называл 'новой' прозой» (Старикова 2015: 169). Сам Шаламов в уже упомянутом эссе «О прозе» говорит: «Писатель должен уступить место документу и сам быть документальным» (Шаламов 1965). Далее, для его произведений существенно то, что писатель не должен быть наблюдателем, а участником драмы жизни (там же). Однако, Михайлик подчёркивает, что невозможно говорить ни о какой спонтанности, ни о непосредственности, так как «[н]а всем протяжении сборника Шаламов постоянно и с большим воодушевлением обсуждает с читателем свой выбор изобразительных средств» (Михайлик 2018: 62). Такого же мнения и С. Йонг, согласно которой повторения являются целенаправленной повествовательной стратегией, лежащей в основе «Колымских рассказов». Далее, повторения позволяют рассказчику идентифицировать себя с другими осужденными, особенно с теми, которые не выжили (Young 2011: 353).

Нельзя забыть тот факт, что Шаламов связывает разные художественные жанры – «поэзию и прозу, документальность и беллетристику, риторику и повествование, «авторский» монолог и сюжетное действие» (Лейдерман 2003). Таким образом, «рождаются необычные жанровые 'сплавы', которые дают новый угол зрения, новый масштаб видения мира Колымы» (там же). Именно это является одной из главных причин достаточной тяжести восприятия читателем «Колымских рассказов».

5. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Солженицын и Шаламов, несомненно, являются самыми значимыми русскими писателями лагерной тематики. Их произведения чрезвычайно отличаются друг от друга, но, всё-таки, существуют определённые характеристики, которые их связывают. Солженицын и Шаламов описали лагерь как замкнутое место, в котором существуют определённые законы, в котором царит страх: «Лагерь – слежавшаяся под давлением кумулятивного страха иерархия не- и внечеловеческого насилия – воспринимали себя и ощущался узниками как самодостаточная замкнутая система» (Михайлик 2018: 30). Леона Токер коснулась проблемы страха толпы. Рассуждая о теории Элиаса Канетти, изложенной в книге «Толпа и власть», Токер подчёркивает несовпадение этой теории с лагерной жизнью. Сутью этой теории является факт, что человек, являясь членом толпы, преодолевает страх чужого прикосновения. Токер заявляет, что заключённые в лагере являются членами закрытой толпы, ограниченной «невидимой чертой, которую нельзя преступит» (Токер 2005: 324). Такая толпа отличается семиотикой страха, прежде всего в «строю: на поверке, в пешеходном этапе или в колонне узников по пути на работу или в зону» (там же). Такое чувство страха и изображение невидимой черты как мобильного барьера доминирует и в рассказах Шаламова, и в повести Солженицына: «Внимание, заключенные! В ходу следования соблюдать строгий порядок колонны! Не растягиваться, не набегать, из пятерки в пятерку не переходить, не разговаривать, по сторонам не оглядываться, руки держать только назад! Шаг вправо, шаг влево – считается побег, конвой открывает огонь без предупреждения! Направляющий, шагом марш» (Солженицын 1999: 30). Каждое пересечение мобильного барьера обозначает наказание, например в рассказе «Первый зуб» Шаламова рассказчик выходит из строя, чтобы помочь другому заключённому и его избивают, и выбывают ему зуб. Следовательно, можно прийти к выводу, что существование закрытой толпы ещё более усиливает деперсонализацию заключённых. Они в лагерном мире существуют только как одно целое и каждая попытка выхода и возможности приобретения своей индивидуальности завершается наказанием.

Несмотря на общие характеристики, произведения во много того отличаются друг от друга, и мы сосредоточимся именно на их различии. Сам Шаламов утверждал, что: «[т]ак называемая лагерная тема – это очень большая тема, где разместится сто таких писателей, как Солженицын, пять таких писателей, как Лев Толстой. И никому не будет тесно» (Шаламов 1965).

Мало того, что их произведения не совпадают, так ещё они откровенно выражали своё недовольство произведением другого. Солженицын в «Дневнике писателя», опубликованном в журнале *Новый мир* в 1999 году, сказал, что «Колымские рассказы» не удовлетворяли его художественно: «[п]равда, рассказы Шаламова художественно не удовлетворили меня: в них во всех мне не хватало характеров, лиц, прошлого этих лиц и какого-то отдельного взгляда на жизнь у каждого. В рассказах его не-лагерных чаще был какой-нибудь анекдотический случай, которыми одними литературу не питаешь» (Солженицын 1999). Тем не менее, Шаламов также критиковал произведение Солженицына, подчёркивая проблему достоверности такого лагеря, говоря, что в «Одном дне Ивана Денисовича» речь идёт о «мягком лагере», так как: «[в] каторжном лагере, где сидит Шухов, у него есть ложка, ложка для настоящего лагеря — лишний инструмент, И суп, и каша такой консистенции, что можно выпить через борт, около санчасти ходит кот — тоже невероятно для настоящего лагеря, — кота давно бы съели» (Сиротинская 1999). Таким образом, можно прийти к выводу, что Шаламов лагерь, описанный Солженицыным, не считает настоящим. Такое расхождение мнений учёный Михайлик попыталась объяснить мнением Шаламова, что выжившие не являются достоверными источниками описания лагерной жизни, так как они живы (Михайлик 2018: 168).

В связи с этим, мы должны обратить внимание на самые наглядные различия этих двух произведений. Во-первых, самой наглядной разницей являются виды повествования. В «Одном дне Ивана Денисовича» является непрерывным. Описывается действительно один день, от подъёма до отбоя, без перерывов в описании. Таким образом, «Один день Ивана Денисовича» является «герметическим художественным целым и в этом ограниченном, классическом единстве пространства и времени, Солженицын стремится сгустить и сузить (обобщить) весь лагерный мир» (Брюер 1995). Повествование в «Колымских рассказах» отличается немало – постоянные переходы повествования от первого лица к повествованию от третьего. Хотя разница в видах повествования является наглядной, она обусловлена жанром данных произведений. «Колымские рассказы» – это

сборник рассказов, в то время как «Один день Ивана Денисовича» является повестью. Следовательно, неудивительно, что в «Колымских рассказах» появляются такие переходы от одного вида повествования к другому. Как уже было упомянуто выше, рассказы «Колымских рассказов» не связаны хронологически. Это подчёркивает и исследователь Бюрер, утверждая следующее: «[ф]орма повествования в лагерной эпопее Колымских рассказов и структура самого текста по сравнению с соответствующими в 'Одном дне Ивана Денисовича' анти-хронологичны. Большинство рассказов, как и сами циклы, в которых они размещены, построены далеко не по принципу единства пространства и времени» (там же). Ещё раз выделяем мнение Шаламова о лагере как о вневременном явлении.

Во-вторых, не замечаем различия только во временном построении произведений, но и в пространственном. В произведении Солженицына описывается один лагерь и все закономерности именно этой территории, которая, кстати, не является настолько замкнутой, так как заключенные получают письма из внешнего мира. Лагерь Шаламова отличается полной замкнутостью. Он, между прочим, часто называется островом или планетой. Это ещё более усиливает восприятие лагеря как совершенно чужого мира, «образ лагеря как недолжного бытия с перевернутыми ценностными представлениями» (Старикова 2015: 173). Шаламов описывает мир перевернутых ценностей, мир, в котором невозможно довериться никаким правилам.

Во-третьих, существует ряд деталей, которые отражают не только различный опыт писателей, но их различные желания описать лагерную жизнь – биография героев, погода, длительность рабочего дня... В «Одном дне Ивана Денисовича» не знаем много того о жизни Ивана перед лагерем, но, всё-таки, упоминаются некоторые детали, как напр. причина заключения, срок пребывания, пребывание в лагере со строгим режимом в Усть-Ижме, его жена и т. п. В «Колымских рассказах» герои как будто не существовали перед заключением, нет никакой биографии, прошедшего ни будущего. Герои возникают из небытия, существуют только в данном моменте, но как мертвецы.

Во-четвёртых, одной из самых больших линий напряжения между ним и Солженицыным стала убежденность Шаламова, что мозг на холоде не может работать и что голод влияет на физиологические изменения, непреодолимые силой воли (Михалик 2018: 9). Иван Денисович описан как человек, который адаптировал все качества, необходимые для выживания. У него была уверенность, но именно его приспособляемость помогла ему

справиться с реалиями этой жизни. Несмотря на сильный пронизывающий ветер и холодный климат, когда пищи едва хватает для того, чтобы заключенные оставались в живых, искусство приспособляемости и стойкости Шухова помогает ему научиться согреваться и максимально эффективно использовать эти суровые условия. Следовательно, можно сказать, что в нём есть сильная и властная сила, так как и есть инстинктивное стремление постоянно работать изо всех сил. Работа для него была, в некоторой степени, представлением его внешней жизни, в том числе и свободы. Из этого следует, что Шухов является символом человеческого духа и его нескончаемой воли к выживанию, даже в самых суровых условиях. Учитывая вышеизложенное, приближаемся к самому существенному расхождению Шаламова и Солженицына. Шаламов твердо «бастовал» против возможности спасения путём религией или идеологией, в то время как у Солженицына изображены три различных идеала, которые помогли некоторым мужчинам выжить в суровых условиях лагерной жизни. Например, Алёша твердо верил в христианство, которое помогло ему преодолеть будни лагерной жизни. Коммунистический идеализм Буйновского, с другой стороны, держала его в безопасности, в то время как вера Цезаря в искусство поддерживала его и его духовные поиски.

Наконец, надо подчеркнуть, что практически все исследователи отдельное внимание уделили именно концу произведения «Один день Ивана Денисовича», в котором Иван счастлив. Именно из-за этого чувства счастья и радости, Шаламов остро критиковал Солженицына, говоря, что он приукрасил реальность. Согласно Шаламову, для Солженицына лагерь может быть благотворным. Это наглядно раздражало Шаламова, который утверждал, что Солженицын вообще не встретился с настоящим адом – Колымой: «по Солженицыну, например, лагерный опыт может быть благотворен, он может выковать человека, но это, утверждает Шаламов, потому что Солженицын в настоящем-то аду не был. Он был сначала в шарашке, потом в Экибастузе, но он не был на Колыме, где из человека выбивали, выжимали, выдавливали все человеческое» (Быков 2015б). Тем не менее, таким «счастливым концом» только подчёркивается трагизм, картина такого благополучия является самым мощным средством всего ужаса лагерной жизни. Учёные Липовецкий и Лейдерман утверждают, что такой конец нужен для подчёркивания абсурдности «черной ГУЛАГовской эпохи» и противоречивости главного героя, «простого советского человека» (Лейдерман, Липовецкий 2003: 268).

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русская лагерная проза немыслима без Солженицына и Шаламова. Оба писателя действительно внесли большой вклад в русскую литературу. Их собственный опыт в лагере, в таких негуманных условиях оказал сильное влияние на их произведения и, неудивительно, определил их творческую судьбу. Несмотря на то, что они писали и произведения других жанров, их знаменитость обусловлена именно их шедеврами, анализируемыми в данной работе.

«Один день Ивана Денисовича» и «Колымские рассказы» в значительной степени отличаются друг от друга, независимо от того, что описывают реалия лагерной жизни. В «Одном дне Ивана Денисовича» описывается только один день, от подъёма до отбоя, в то время как лагерь Шаламова изображён как вневременное явление. Солженицын своим персонажам дал биографию, обеспечивая их одновременно возможным будущим. Герои Шаламова оказываются без биографии, прошлого и будущего – они возникают из небытия. Шаламов жестко выступал против какой-нибудь возможности спасения в лагере, утверждая, что человеческий мозг не может работать на морозе. Солженицын, наоборот, описал три различных вида спасения человека – религия, искусство и идеология. Далее, Шухов Солженицына отличается сохранением достоинства, в то время как герои Шаламова превращаются в предметы. Последнее, в «Одном дне Ивана Денисовича» вообще не упоминается смерть, а все рассказы Шаламова проникнуты мотивом смерти – смерть является сквозным мотивом.

В конце концов, несмотря на все отклонения этих двух произведения, надо подчеркнуть факт, что этими произведениями писатели внесли огромную лепту в русскую литературу. Именно это выдвигают на первый план Лейдерман и Липовецкий, выявляя, что «у рассказов Солженицына 'Один День Ивана Денисовича' и 'Матренин двор' особая историческая роль: они стоят в самом начале новой дороги, которая возвращала нашу литературу к вековой традиции – к исследованию мироустройства в свете общечеловеческих ценностей, причем с очень существенным ориентиром – через осмысление места и роли в этом мироустройстве духовного опыта 'простого (среднего, массового, рядового) человека', современника и вольного или невольного соучастника всего, что происходило и происходит в этот век, на этой земле, в этой стране» (Лейдерман, Липовеский 2003: 268). Шаламов является основоположником «новой прозы», которая отличается суровым описанием всего происходящего и его крайней

абсурдностью. По словам Лейдермана и Липовецкого «более трагических, более судеб, чем судьбы колымских узников, человечество еще не знало. Тем весомее авторитет опыта, извлеченного из этих судеб, тем достойнее тот кодекс миропонимания и поведения в мире, который материализован в мозаике 'Колымских рассказов'» (там же: 332).

7. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брюер, М. (1995) *Изображение пространства и времени в лагерной литературе: «Один день Ивана Денисовича» и «Колымские рассказы»*.

<https://shalamov.ru/research/150/> Дата обращения: 20.7.2021.

Быков, Д. (2015а) *Александр Солженицын «Один день Ивана Денисовича», 1961 год в: Сто лет — сто лекций Дмитрия Быкова. Выпуск № 62.*

https://tvrain.ru/lite/teleshov/sto_lektsij_s_dmitriem_bykovym/solzhenitsyn-424129/ Дата обращения: 16.7.2021.

Быков, Д. (2015б) *Варлам Шаламов «Колымские рассказы», 1969 год в: Сто лет — сто лекций Дмитрия Быкова. Выпуск № 70.*

https://tvrain.ru/lite/teleshov/sto_lektsij_s_dmitriem_bykovym/1969-429922/ Дата обращения: 19.7.2021.

Дзевенис, А. А. (2018) *Александр Солженицын – писатель, мыслитель, гражданин (К 100-летию со дня рождения А.И. Солженицына) в: Агропромышленный комплекс: проблемы и перспективы развития. Материалы всероссийской научно-практической конференции (С. 199-203). Благовещенск: Дальневосточный государственный аграрный университет*

Кошмитерева, З.Ю. (2016) *«Стальная гармошка века»: лагерная проза в творчестве А.И. Солженицына в: Научные итоги 2016 года: достижения, проекты, гипотезы (С. 39-44). Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества».*

Лейдерман, Н. Л.; Липовецкий, М. Н. (2003) *Современная русская литература 1950 – 1990-е годы*. Москва: АCADEMIA.

Лукач, Г. (1964) *Социалистический реализм сегодня*. <https://ekniga.org/reader/114939/> Дата обращения: 16. 7. 2021.

Михайлик, Е. (2018) *Незаконная комета. Варлам Шаламов: опыт медленного чтения*. Москва: Новое литературное обозрение.

Нива, Ж. (1984) *Солженицын..* Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd.

Сиротинская, И. (1999) *Публикация писем и записей В. Шаламова подготовлена по черновикам, сохранившимся в его архиве.*

<https://www.booksite.ru/fulltext/1sh/ala/mov/23.htm> Дата обращения: 21.7.2021.

Сиротинская, И. (2006) Варлам Шаламов – биография. <https://shalamov.ru/biography/>
Дата обращения: 18.7.2021.

Солженицын, А. И. (1999) *Дневник писателя* в: Новый мир, номер 4.
https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1999/4/s-varlamom-shalamovym.html Дата
обращения: 20.7.2021.

Солженицын, А. И. (1999) *Собрание сочинений*. Москва: Терра.

Старикова, Л. С. (2015) *Лагерная проза в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика* в: Вестник Кемеровского государственного университета. (С. 169-174).

Токер, Е. (2005) *Страх и толпа: пересмотр некоторых мотивов лагерной литературы* в: Семиотика страха (С. 320-328). Москва: Европа.

Шаламов, В. Т. (1965) *О прозе*. <https://shalamov.ru/library/21/45.html> Дата обращения:
19.7.2021.

Юргенсон, Л. (2005) *Кожа — метафора текста в лагерной прозе Варлама Шаламова*.
<https://shalamov.ru/en/research/63/> Дата обращения: 18.7.2021.

Юровский, В. (2008) *Стилистика рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»* в: Slavistenkongress. №14 (345-363).

BBC News (2012) *50 лет «Ивана Денисовича»: один день и целая эпоха*.
https://www.bbc.com/russian/russia/2012/11/121114_solzhenitsyn_one_day_50_anno Дата
обращения: 16.7.2021.

Young, S. J. (2011) *Recalling the Dead: Repetition, Identity, and the Witness in Varlam Shalamov's rasskazy* в «Slavic Review», №2 (С. 353-372).

SAŽETAK

U ovom se radu analizira proza o logorima (rus. *lagernaja proza*) usporedbom dvaju djela dvojice velikih ruskih pisaca – Aleksandra Solženicyna i Varlama Šalamova.

Šalamov i Solženicyn nesumnjivo su najznačajniji predstavnici ruske proze o logorima – obojica su na različite načine doprinijeli njenom razvitku. Iako su imali mnogobrojne nesuglasice i razilaženja, njihova djela povezuje zajednička tematika, tj. prikaz logora kao mjesta depersonalizacije i dehumanizacije. Međutim, kao što navodim u svojem radu, ta su dva djela obilježena i nizom razlika. Solženicyn je, za razliku od Šalamova, prikazao da i u takvom svijetu postoji mogućnost spasenja zbog čovjeku urođene sposobnosti prilagodbe i zbog okretanja prema religiji, ideologiji i umjetnosti. Šalamov ga je zbog toga nerijetko kritizirao, ističući kako u takvim uvjetima čovjeka ništa ne može spasiti. Upravo takvo viđenje logora prikazao je Šalamov u svome djelu – potpuna devastacija čovjeka, koji je lišen mogućnosti razmišljanja i osuđen na potpuni fizički raspad nakon kojeg slijedi smrt. Logor Solženicyna nije opisan toliko radikalno kao u slučaju Šalamova, no Solženjcin je svojim djelom oštro iskritizirao ne samo logore, nego i opće stanje u Sovjetskome Savezu tijekom Stalinova vremena.

Ključne riječi

proza o logoru, Aleksandar Solženicyn, *Jedan dan Ivana Denisoviča*, Varlam Šalamov, *Priče s Kolyme*, dehumanizacija, mogućnost spasenja čovjeka

Ключевые слова

лагерная проза, Александр Солженицын, «Один день Ивана Денисовича», Варлам Шаламов, «Колымские рассказы», дегуманизация, страх, возможность спасения человека

Kratki životopis

Ksenija Mihaljević rođena je 11. prosinca 1998. godine u Osijeku. Godine 2013. upisuje II. gimnaziju Osijek, gdje se zaljubljuje u strane jezike. Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu upisuje 2017. godine i studira ruski jezik i književnost i talijanistiku.